

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В АКТУАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПАРЕМИЯХ С КОМПОНЕНТОМ-НАЗВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ В КИТАЙСКОМ И В РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Лю Юэ

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
1018711817@qq.com

SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN THE ACTUALIZATION OF LINGUOCULTURAL GENDER STEREOTYPES IN COLLOCATION WITH THE COMPONENT-NAME OF INSTRUMENTS IN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES

Liu Yue

Summary: The article presents the results of a comparative linguocultural analysis aimed at establishing similarities and differences in the actualization of gender stereotypical representations of the Chinese and Russian ethnoses. In the course of studying the semantic and linguocultural meanings of the Chinese and Russian proverbs, containing in their composition the component-name of the instrument, it was found that the Chinese and Russian linguocultures have both similar and different features in the formation of gender stereotyped representations. The similarity lies in the fact that in both the Chinese and Russian stereotypes, a man is portrayed as a leader, a breadwinner who is free to dispose of property at his own discretion. A woman plays a secondary role with a man, she acts as a kind of means for a man to feel comfortable. The difference is that in the Chinese linguistic culture a man is the sole leader, in Russian he is credited with the ability to unite efforts. In addition, women in the Russian linguistic culture are endowed with qualities that distinguish them favorably from men; this value is not recorded in the Chinese paremiological fund.

Keywords: Chinese proverbs, Russian proverbs, gender stereotypes, proverbs with a component-name of the instrument, linguocultural potential of proverbs.

Аннотация: В статье представлены результаты сопоставительного лингвокультурного анализа, направленного на установление сходств и различий в актуализации гендерных стереотипных представлений китайского и русского этноса. В ходе изучения семантического и лингвокультурного значений китайских и русских паремий, содержащих в своём составе компонент-наименование инструмента, было установлено, что китайская и русская лингвокультуры имеют как схожие, так и различные черты в формировании гендерных стереотипных представлений. Схожесть состоит в том, что и в китайском и русском стереотипном представлении мужчина рисуется в образе лидера, добытчика, который волен распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Женщина при мужчине играет второстепенную роль, она выступает своего рода средством для того, чтобы мужчине было комфортно. Различие состоит в том, что в китайской лингвокультуре мужчина — единоличный лидер, в русской ему приписывается способность объединять усилия. Помимо этого, женщины в русской лингвокультуре наделяются качествами, которые выгодно отличают их от мужчин, в китайском паремиологическом фонде это значение не фиксируется.

Ключевые слова: китайские паремии, русские паремии, гендерные стереотипы, паремии с компонентом-названием инструмента, лингвокультурный потенциал паремий.

Введение

Лингвокультурологический подход в современной лингвистике рассматривает язык как феномен человеческой культуры и позволяет описать в обобщенном виде представителя той или иной культуры. В.И. Карасик — представитель культурологического изучения концептов, автор многочисленных трудов в области лингвокультурологии, концептуальных учений, внесший значительный вклад в развитие представлений о лингвокультурном анализе, убежден в том, что культура определенного этноса, формировавшаяся на протяжении всей истории развития данного народа,

имеет языковое воплощение и ее вербализация даёт исследователям материал для установления национально-специфических черт народа [Карасик 2001]. В современном лингвистическом научном пространстве этот аспект изучения языковых явлений сквозь призму культуры реализуется в работах Е.И. Селиверстовой и И. Ван [Селиверстова 2021], которые, изучая китайские и русские паремии, в которых есть компоненты-названия жилых строений, установили признаки концептуальных понятий бедности и богатства с присущими им лингвокультурными чертами; Л.И. Шагиахметовой, в работе которой приводятся культурные и языковые характеристики паремиологических единиц китайского

и русского языков [Шагиахметова 2020]; Ц. Цзяци изучавшего компоненты- названия насекомых в русском паремиологическом пространстве (на фоне китайского языка) и пришедшего к выводу, что в виду двуплановости смысла пословицы, она всегда актуализирует то или иное стереотипное представление [Цзяци 2019] и многих других исследователей.

В рамках лингвокультурологического направления внимание исследователей направлено на изучение и описание реализации в языке различных кодов культуры. Под кодом культуры понимается система глобального уровня, включающая в себя характеристики объектов картины мира определенного этноса, которые объединены одним общим категориальным свойством [Карасик 2001: 45]. В трудах авторов, работающих в данном направлении, отмечается, что знание кода культуры может служить ключом к пониманию культуры представителей того или иного лингвокультурного сообществ [Аванесова 2015: 60]. Е.А. Хомяков убежден, что коды культуры, будучи субстанциональными (материальная природа выражения) и концептуальными (идейная природа выражения), могут быть систематизированы в ходе лингвокультурологического анализа фразеологического фонда языка [Хомяков 2014: 153].

В последние годы особого внимания удостоилось сравнительно-сопоставительное изучение языков в аспекте лингвокультурологии, направленное на выявление особенностей взаимодействия языка и культуры двух или более языков, можно отметить работы таких авторов, как Е.И. Зиновьева и Ц. Цзяци [Зиновьева 2020], Е.И. Селиверстова и Ван И. [Селиверстова 2021], Л.И. Шагиахметова [Шагиахметова 2020] и др. Результатом подобных исследований становится расширение лингвокультурных представлений этносов, что даёт почву для эффективных межкультурных контактов, имеющих важное значение в современном глобализованном мире [Шагиахметова 2020: 119].

Особую значимость при исследовании проявлений человека в языке приобретают индивидуальные характеристики языковой личности, к важнейшим из которых относится гендер (социокультурный пол), трактуемый одновременно и как процесс, и как результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на определенном историческом этапе [Гриценко 2005: 8]. Проявления социокультурного пола в языке отмечаются исследователями на материале различных языковых единиц и особенностей построения дискурса. Так, например, Т.А. Климова, изучая отражение категории гендера в паремиологическом фонде различных языков, говорит о том, что, будучи продуктом культуры, гендер отражает социокультурные представления о женственности и мужественности [Климова 2017: 14].

С.В. Грибач, в свою очередь, отмечает, что формирование гендерной идентичности происходит под влиянием лингвокультурных представлений о роли женщины и мужчины в обществе [Грибач 2010: 169].

Пословицы активно привлекаются исследователями для демонстрации проявляющихся в языке особенностей видения окружающего мира человеком, принадлежащим определенной социокультурной общности [Зиновьева 2020; Цзяци 2019; Шагиахметова 2020]. Как характеризует паремии В.Н. Телия, это язык обыденной культуры, формировавшийся столетиями и передававшийся из поколения в поколение, все установки жизненной позиции и философии народа определенной культуры [Телия 1996: 56].

Данное исследование проводится, таким образом, в рамках сопоставительной лингвокультурологии – одного из направлений современной антропоцентрической научной парадигмы, т.е. на стыке двух основных направлений лингвокультурологии – паремиологического и сопоставительного.

Актуальность исследуемой проблемы

Тот факт, что в современном мире Россия и Китай ориентированы на стратегическое сотрудничество, предопределяет возросшие межкультурные контакты как на уровне политических деятелей, так и рядовых граждан двух государств. Для того, чтобы обеспечить максимально эффективный коммуникативный процесс между представителями разных лингвокультурных сообществ, речевым партнерам необходимо знать национально-культурную специфику представителей другой страны, их стереотипные представления, традиции и обычаи. Современные исследователи-лингвисты едины во мнении, что одним из оптимальных языковых материалов, на базе которого можно выявить лингвокультурные стереотипы, присущие тому или иному этносу, является паремиологический фонд, в состав которого входят идиомы, пословицы, поговорки, фразеологизмы. Исходя из этого, представляется актуальным провести лингвокультурный анализ, направленный на установление отражения посредством паремий тех или иных стереотипов. В рамках данного исследования мы сосредотачиваем внимание на актуализации гендерных стереотипов, фиксирующих в китайских и русских паремиях с компонентом-названием инструментов. Выбор такой узкой области паремиологического фонда обуславливается тем, что получение комплексного представления о лингвокультурном потенциале паремий того или иного языка невозможно без детального описания отдельных его областей, группирующихся по тематическому принципу. Кроме того, национальная культура народа часто проявляется в ее материальном выражении – в используемых в различных видах деятельности инструментах и при-

способлениях, в характере их применения в реальной жизни и в их оценке. Обращение к гендерным стереотипам, которые являются языковыми универсалиями, позволит определить сходства и различия в базовых представлениях о мужчинах и женщинах двух соседствующих стран, которые имеют языки неродственных семей и различные ценностные и культурные основы.

Пословицы с компонентами-наименованиями инструментов и приспособлений для осуществления человеком хозяйственной деятельности составляют достаточно обширный пласт в паремиологическом фонде китайского и русского языков. Однако подобные единицы остаются, на наш взгляд, областью, требующей дополнительного и более тщательного изучения, поскольку, во-первых, в них проявляется один из важнейших культурных кодов – инструментальный код. Они во многом отражают суть отношения, выработанного и передаваемого людьми в процессе сельскохозяйственной, производственной и бытовой деятельности. Во-вторых, имеющиеся к настоящему моменту в области изучения русского языка научные труды, касающиеся средств для осуществления трудовой деятельности, сводятся к лексико-семантическому анализу пословиц, выражающих отношение к труду [Тимерова 2018]; сравнительному межязыковому анализу фразеологизмов с компонентом «труд» [Львова 2021]. Между тем, изучение разряда паремий с компонентом-наименованием инструментов представляется актуальным, поскольку пословицы этого тематического ряда позволяют, с одной стороны, получить убедительное представление о характере и условиях трудовой деятельности человека в целом, об отдельных ее направлениях и разновидностях, а с другой – увидеть особенности проявления гендерных характеристик при показе трудящегося индивида в русской и китайской паремике.

Следующая причина актуальности и новизны данной темы – само понятие *инструментов*, которые является универсальным понятием для любой культуры, концепт *инструмент* представляет собой сложное ментальное образование, которое следует рассматривать с лингвокультурологической точки зрения, чтобы наилучшим полностью выявить его национальную идентичность, складывающуюся в течение веков.

Лингвокультурологический аспект фразеологизмов связан с взаимодействием культуры и естественного языка. В своей семантике фразеологизмы отражают процесс развития культуры народов, передают от поколения к поколению культурные стереотипы. Фразеологизмы тесным образом связаны с национальными особенностями народа, т.е. с его историей, культурой, бытом, религиозными верованиями и обычаями [Зиновьева 2020: 4].

Новизна исследования объясняется тем фактом,

что в статье впервые проводится сопоставительный лингвокультурологический анализ на материале одной узкой области паремиологического фонда китайского и русского языков (паремии с компонентом-наименованием инструментов), в результате которого устанавливаются и сравниваются гендерные стереотипные представления двух неблизкородственных лингвокультурных обществ.

Целью статьи является установление схожих и отличительных черт в лингвокультурных гендерных стереотипах, проявляющихся посредством паремий с компонентом-наименованием инструментов в китайском и русском языках.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили паремии с компонентом-наименованием инструментов китайского и русского языков, отобранные методом сплошной выборки из лексикографических источников: и «Словарь китайских пословиц» [温端政 中国谚语大辞典 上海辞书出版社 2011年638页], «Большой словарь русских пословиц» [Мокиенко 2010], собрание В.И. Даля «Пословицы русского народа» [Даль 1957]. Для решения поставленных задач применялись такие методы, как систематизация и обобщение, лингвокультурный анализ, лексикографический анализ, интерпретация, описание, сопоставление.

Результаты исследования и их обсуждение

Обращение к китайским и русским пословицам с компонентами-наименованиями инструментов показывает, что частотным номинантом является *斧头 / топор*, который выступает, чаще всего средством достижения той или иной цели. Такое его представление прослеживается как в китайской, так и в русской лингвокультурах. Например, в паремии *执柯作伐柯: 斧头柄* (буквальное значение – рубить деревья топором, образное значение – сватать кого кому или сватать кого за кого) *斧头 / топор* сравнивается с процессом выбора невесты / жениха, что символично представляет процесс создания семьи с работой, которая требует физических ресурсов в виде трудозатрат. Пословица *匪斧不克, 匪媒不得* (буквальное значение – бандитов нельзя победить, бандиты не могут быть посредниками, образное значение – как без топора не срубишь дерево, так и без свата не сосватаешь) также отражает китайскую традицию сватовства как особого ритуала выбора невесты. Таким образом, гендерный стереотип в этом аспекте состоит в том, что мужчина при создании семьи берет на себя роль лидера и прикладывает усилия для того, чтобы заполучить желаемую девушку в жены. Тот факт, что инициатива сватовства исходит от мужчины, формирует его образ целеустремленного и волевого человека.

В русской лингвокультуре также находит отражение стереотипное представление о мужчине в паремиях с компонентом-названием инструмента *топор*, как о выносливом работнике, что схоже с китайским представлением, но в китайском языке не отмечается значение того, что мужчины могут достигать больших успехов, работая сообща. Например, в пословицах *Два топора вместе, а две прялки врозь; Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь* актуализируется значение того, что мужчины могут кооперироваться при выполнении работы. *Топор* в данной паремии выступает образом мужчины, а *прялки* – женщины, актуализатором данного значения является грамматический род данных имен существительных. Таким образом, мужчины противопоставляются женщинам, которые, согласно русскому гендерному стереотипному представлению, не могут объединять усилия для достижения поставленной цели.

Однако в то же время, в русском паремиологическом фонде обнаруживается и другая пословица, где подчеркивается женская способность к кооперации – *Кума к куме - хоть в решете, да приплывет*. Отличием данной пословицы от рассмотренных ранее (*Два топора вместе, а две прялки врозь; Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь*) является то, что в ней присутствует сема родства, кума в русской лингвокультуре – это крёстная мать. Так, гендерный стереотип, транслируемый данной пословицей, состоит, таким образом, в том, что женщины готовы оказывать поддержку родственникам.

Мужчина в китайской лингвокультуре представляет выносливым и сильным, он, невзирая на все невзгоды, никогда не бросит начатую работу и доведет дело до конца, такое гендерное представление находит отражение в пословице *农民就是快要死了, 也得去耕田* (буквальное значение – *крестьяне гибнут, но им надо пахать поля*, образное значение – *работать нужно даже, если сложно*). Такое стереотипное представление о мужчине, готовым самоотверженно работать, коррелирует с рассмотренным выше образом, где мужчинам приписываются лидирующие качества. Обращение к русским паремиям с компонентом-названием инструментов показывает, что в стереотипное представление мужчины с точки зрения актуализации гендерных признаков во многом схож к китайским. Например, в пословице *Не топор кормит мужика, а июльская работа* используется лексема-номинант мужчины, использованная в контексте со значением того, что для того, чтобы прокормиться, нужно работать.

Этот же гендерный стереотип находит отражение и в таких китайских пословицах, как *打老婆, 骂老婆, 手内没钱卖老婆* (буквальное значение – *жену можно бить и бранить, а если будет мало денег, жену можно продать, образное значение – жена выполняет второстепенную роль при муже*). В данной пословице актуализируется

гендерный стереотип, что именно мужчина в семье отвечает за финансовое благополучие, являясь основным добытчиком в семье, он и неустанно трудится, но и распорядится всем имуществом исключительно по своему усмотрению.

Лидирующее положение мужчины, его волевой характер и целеустремлённость подчеркивается также в следующей пословице: *桑弧蓬矢* (буквальное значение – *лук из тутовника, стрелы из стеблей полыни*, образное значение – *большие цели, обширные планы*). В основе данной пословицы лежит метафорическое представление такого инструмента, как лук и стрелы, где осмыслению подвергается образ полета стрелы, выпущенной из лука – она стремительно движется в заданном направлении.

Что касается гендерных стереотипов о женщинах, то они представляются в угнетенном, зависимом от мужчин положении. Такое представление отражается в следующей пословице с компонентом-названием такого инструмента как *菜刀/нож: 菜刀不磨成死铁, 女人不打成妖孽* (буквальное значение – *если не точить кухонный нож, он станет тупым, если не быть женой, она превратится в чудовище*, образное значение – *для того, чтобы жена была покорной и правильно себя вела её к ней нужно периодически применять физическое насилие*). В данной пословице мужчина представляется хозяином в доме, который имеет право поднимать руку на свою женщину, что считается таким же обыденным делом, как заточка кухонного ножа. Отметим, что данная пословица актуализирует также имплицитный смысл, состоящий в том, что женщина представляется неуправляемым существом, которое, если не применять к ней физическое насилие, станет неподконтрольным, подобно *монстру /妖孽*.

Идея о безоговорочной преданности жены мужу находит отражение и в пословице с компонентом-названием такого инструмента как *鞍 / седло 马不两鞍* (буквальное значение – *на одну лошадь не надеть два седла*, образное значение – *женщина должна выходить за муж один раз в жизни*). Компонент *седло / 鞍* при этом используется для выражения образа мужчины и тот факт, что седло как специфический инструмент наездника служит для того, чтобы ему удобно было сидеть на лошади и управлять ей, позволяет сделать вывод о наличии в данной пословице китайского языка имплицитного смысла, который состоит в том, что женщина стереотипно представляется в угнетенном положении относительно мужчины.

В русском паремиологическом фонде также фиксируется номинант *седло* в составе пословицы – *Жена не седло: со спины не сымешь*. Как и в китайском языке *седло* в данном примере используется для сравнения с женщи-

ной и актуализирует негативный коннотативный смысл. Однако, если в китайской пословице седло выступает средством для того, чтобы мужчине было удобно, то в русском языке – это выражение обузы, от которой не так просто избавиться.

Позитивный смысл актуализируется в следующей русской пословице – *Что муж возом не навозит то жена горшком наносит*. В данном случае актуализируются сразу два гендерных стереотипных представления – один про мужчин, которым приписывается желание все делать масштабно, актуализатором этого значения является в приведенной пословице лексема *воз*. При этом, отметим, что такого рода амбициозные желания мужчин делать все с размахом, подвергается некоторой критике, что выражается за счет противопоставления с женщинами, которые рисуются в образе сноровистых особ, которые методично и не торопясь, достигают поставленной цели.

Стереотипное распределение работы между мужчиной и женщиной фиксируется в следующей пословице китайского языка: *不拿锄镰吃不上饭, 不动针线穿不上衣* (буквальное значение – Не поработав мотыгой и серпом, не получится покушать; нечего будет надевать, если предварительно не поработать иглой). В данной паремии *锄头/мотыга* и *镰刀/серп* приписываются мужчине, что свидетельствует о том, что в лингвокультурных представлениях Китая именно мужчина выполняет тяжелую физическую работу, женщине же отводится работа, направленная на обеспечение хороших бытовых условий.

Выводы

Проведенный анализ показал, что в пословицах и поговорках китайского и русского языков с компонентом-названием инструментов актуализируются гендерные

стереотипы, формирующие лингвокультурное представление мужчины и женщины. Было установлено, в китайской и русской лингвокультуре мужчины наделяются схожими чертами такими, как, выносливость, мужественность, сила. Согласно гендерным стереотипным представлениям, выраженным при помощи паремий китайского и русского языков, мужчине в семье отводится лидирующая роль, он – главный добытчик и кормилец. Женщина занимает при мужчине второстепенную роль и находится в подчиненном, угнетенном положении. В русской лингвокультуре мужчинам, в отличие от женщин приписывается способность кооперировать усилия для достижения поставленной цели. В китайском паремиологическом фонде на примере пословиц с компонентом-названием инструментов такое значение не было зафиксировано, наоборот, в китайском стереотипном представлении мужчина является единственным лидером.

В русских пословицах с компонентом-названием инструмента находит отражение позитивная коннотация, формирующая гендерный женский стереотип, в рамках которого женщине приписывается сноровистость, что позволяет ей в некоторых случаях добиваться лучших результатов, чем мужчины.

Таким образом, при помощи пословиц китайского и русского языков с компонентом-названием инструментов формируются гендерные стереотипные представления, которые, имеют, как схожие (лидирующая роль мужчины, подчиненное положение женщины) черты, так и различные (в китайской лингвокультуре мужчина – единоличник лидер, в русской ему приписывается способность объединять усилия; женщины в русской лингвокультуре наделяются качествами, которые выгодно отличают их от мужчин, в китайском паремиологическом фонде это значение не фиксируется).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – Новосибирск: АНС «СибАК», 2015. – С. 56–68.
2. Грибач С.В. Гендер как социокультурный концепт пола, его манифестация в языке и речи // Система ценностей современного общества. – Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2010. – № 10–1. – С. 165–169.
3. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Тамбов, 2005. – 23 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Гос. изд. худ. литературы, 1957. – 992 с.
5. Зиновьева Е.И., Цзяци Ц. Лингвокультурнографическое описание русских пословиц с компонентом-названием насекомого (на фоне китайского языка) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2020. – № 2(27). – С. 1–5.
6. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. – С. 3–16.
7. Климова Т.А. отражение категории «гендер» в паремиологическом фонде разных языков // Язык. Культура. Образование. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. – С. 13–17.
8. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 282 с.
9. Львова Е.М. Сравнительный анализ пословиц и поговорок английского, французского и русского языков с компонентом «труд» // Студенческий вестник. – М.: ООО «Интернаука». – № 18-2. – С. 62–64.
10. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1026 с.

11. Селиверстова Е.И., Ван И. Жилое строение как свидетельство материального достатка/бедности в русских поговорках на фоне китайских // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары, 2021. – № 3(1112). – С. 90–100.
12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М, 1996. – 285 с.
13. Тимерова Г.В. Лексико-семантический анализ пословиц, выражающих отношение к труду в арабском и татарском языках // Современный мусульманский мир. – Саранск, 2018. – № 2. – С. 5–7.
14. Хомяков Е.А. Коды культуры в жаргонной фразеологии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – Пенза, 2014. – № 1(57). – С. 151–160.
15. Цзяци Ц. Компонент «вошь» в русском паремиологическом пространстве (на фоне китайского языка) // филология и культура. philology and culture, 2019. №1(55). – С. 102–109.
16. Цзяци Ц. Русские пословицы с компонентом жук как фрагмент паремиологической картины мира (на фоне китайского языка) // Филологические науки. – Тамбов: ООО «Грамота», 2019. – № 3(103). – С. 197–204.
17. Шагиахметова Л.И. Культурно-языковые характеристики паремиологических единиц китайского и русского языков // Известия ВГПУ. – Волгоград, 2020. – С. 116–119.
18. 温端政 中国谚语大辞典 上海辞书出版社 2011年638页 (Уэнь Дуаньчэн. Большой словарь китайских пословиц. – Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 2011. – 638 с.).

© Лю Юэ (1018711817@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет